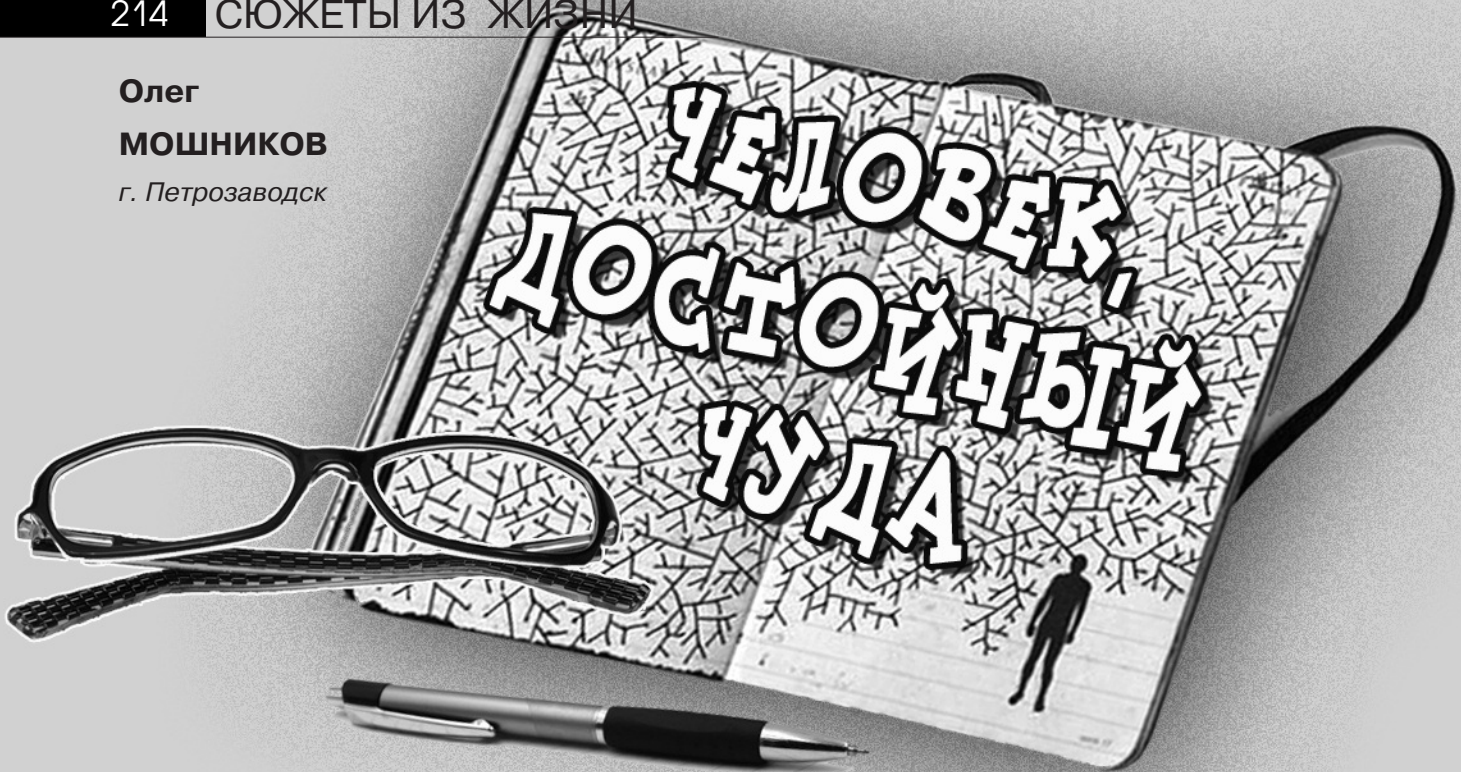

214 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Олег

МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

Жанр ладанок вырос из стихов. Ладанки – это то, что ближе всего к сердцу: юмор, размышления, представление окружающего мира и человеческих характеров, коллизии моей собственной судьбы.

Кому прямо, а мне – в Кривцы

Пылящая грунтовка. Новые двухэтажные дома и старые избы. Школа. Река Водла. Бескрайний – до северной тундры – лес. Пудожье.

Кривцы...

Край, где прошло мое – Саньки Савельева – детство. Зацепиться бы, задержаться за дорогие годы беспечного дитячества, где нередко благодаря моему баламутному характеру я оказывался на опасном краешке неокрепшей, неведомой и по сей день судьбы...

Сговорились мы как-то с дружком-соседом на утреннюю зорьку. Рыбки на уху наловить. Мамка отпустила: другу двенадцать, мне десять. Паренек соседский серьезный, самостоятельный. Под приглядом – чего не отпустить. Лето на дворе. Каникулы. Взяли удочки, в старой навозной куче накопали червей. Перешли по мостику через лесную речку. Разделились. Ведь давно у нас, пудожан, пословица в обиходе: «Рыбак рыбака видит изда- лека, потому стороной и обходит...» Лесная та речушка, Юнга, – неподалеку, за темным лесистым угором – с рекой Сомбой соединялась. Вот эта из-

лука меня и подвела... Надергав окушков да плот- вы, собрался я пополудни домой возвращаться. Да вместо своей речки – по берегу соседней обман- ной реки пошел. Вот, думаю, сейчас мостик пока- жется, а за ним – поселок. Дом. Мамка. Вчерашние ши... Солнце к вечеру за высокие береговые кроны клониться стало. Хорошо хоть я дотумкал речного берега держаться, но скорости продвижения к за- ветной цели не снижал, тем самым все дальше от- даляясь от мест обетованных. Один раз на перека- те рыбака увидел из нашего поселка – Андрона Со- ломатина. Но подойти не решился. Плохая о нем шла слава. Не местный он – после зоны в Кривцах на поселении остался. Ни с кем не сближается. Так и живет бирюком, у бабы Феклы угол снимает. Со- ломатин тоже, видать, меня заприметил, да вида не подал. А я – дальше побежал. И чем дальше – тем больше во мне страху накапливается. Наруга- ют. Обидят. Мать мне этой заблуды не спустит. Вы- порет, как пить дать, выпорет. Бежал я до ночи. По- том еще день. Ночевал под елками, мхом ноги обо- рачивал. Прячась от комаров, рубашку на голову натягивал. Но они и сквозь трико, и через рубашку поедом ели. Злыдни! Утром воды поплюю из речки –

и опять бежать. Так три дня и бежал. Ягодами, пусть и недозревшими, питался. Кислицу жевал.

На третий день вижу – три мужика на лошадях через реку вброд переправляются. Меня заприметили. Загикали. Я – тикать! Накажут! Обидят! Уж лучше я сам своими ногами до дому дойду, перед мамкой повинюсь. Но мужики, нашенские, кривские, быстро меня догнали. Разъяснили в мягких выражениях, что я все это время не в ту сторону шел. Несмышлениш... Развели костер. Обогрели. Накормили. На лошадь водрузили. Шестьдесят километров по комариной тайге – в обратном направлении – прогарцевали. Тут я и сомлел. Шею коняшки смирной обими рученьками обнял. Так, лежа на лошадиной холке, спящий, в деревню и въехал. Мать, которой о возвращении конного дозора люди сообщили, выбежала навстречу, голову мою к груди прижала, думала – помер. Ан нет – живой! От радости даже не шлепнула ни разу. Скорей домой повела – комариные укусы лечить. Только на дружка-соседа зыркнула строго. Он рядом с отцом своим на площади стоял. Из-за соседского непутевого «пригляда» сын в заблуду ушел. А там – до Архангельска и Мирного непроходимая тайга. Медведи. Зброшенные зоны. Лешие лукавые. Бирюк Соломатин (о встрече с ним я маме так и не рассказал). Видно, Боженька сыночка спас. Богу и свечка. А мужикам, на которых промысел Божий снизошел, – бутылка.

* * *

В Кривцах – весна. Ранняя. Малоснежная. Водла еще стоит – ледяным полотном, поземкой выметенным, сверкает... Самое время – по солнышку – на подледный лов идти. Правда, донки мамка под замок в сундук спрятала.

Водла река своенравная, на быстрине лед тонок, только снежком запорошен. Знаю, что нельзя по наледи топтаться. Ну, хоть на лунки рыбацкие взглянуть. Вроде налим в край полыньи затянутой вмерз. Подойти, что ль, поближе, а вдруг дотянусь... И тут нога моя оскользнулась. И следом – я в полынью холдную провалился. Ору что есть мочи. Края ломкие, скользкие – выбраться не дают. Пальто и валенки тяжелеют. Вода парит, течением под лед тянет. Вдруг слышу: цок-цок-цок. Это солдаты, что в бытовке на берегу обитают, ко мне на помощь спешат. Каждый год они на взрывные работы в Кривцы приезжают, тол под лед подкладывают, заранее, чтобы вставшие дыбом льдины мосты не порушили. Направленным взрывом заторы разгружают. Цок-цок – стучат по льду дюбеля на каблуках старослужащих-подрывников. Чую – ситуация изменяется. Рука сильная, мужская – за ворот меня из полыньи вытя-

гивает. И – сразу в теплушку. К натопленной буржуйке. Полотенцем – докрасна – обтерли. В белье чистое нательное закутали. Кружку крепчайшего и горячайшего чая в руки сунули. Пока шмотки мои сушились, я советы житейские солдатские на ус мотал. Ведь ус и вырасти не успеет, ежели в лесах блудить да по льду неокрепшему в пляс пускаться.

Я потом – за советами – почитай каждый день после школьных уроков к ним заглядывал. Пока саперный взвод боевой и политической подготовкой занимался али в лес на санях за дровами ездили, я в воинском «кунговом» расположении порядок навел. За печкой следил. Обеды готовил. Солдаты – за расторопность и усердное дневальство – мне ремень с начищенной бляшкой и пилотку подарили! Я у них «взводным сыном» прозывался... Жаль – через год по весне другие саперы в армейский вагончик заехали. Необщительные. Старые мои друзья-вояки демобилизовались...

Открылась Водла. Прошел ледоход. Отчадила труба солдатской теплушки. Но навыки армейские крепко-накрепко к рукам моим прикипели. И как правильно портянки наматывать, и миски чистить, и лошадью управлять, которая для «военных» нужд у колхоза нашего арендована была. И порядок у меня во всем. Разве что с дисциплиной – исключительно из-за моего неусидчивого озорного характера – постоянная неувязочка выходит. Посему – нередко в ситуации щекотливые попадаю. Непредсказуемые. Наверное, на роду мне оказия энтая прописана: кому прямо, а мне – в Кривцы!

* * *

До леспромхоза по Водле на санях – благо я к коням приучен был – мы батькам нашим обед возили. По замерзшей Водле. В самую середину зимы. Двадцать километров – с браткой и его дружкой.

Мне – одиннадцать. Брату с другом – по четырнадцать. Тронулись – на колхозной кобыле. Сани по льду скрипят. Бидоны теплой соломой запорошили. О, так же сам царь Петр Алексеевич реками и озерами замерзшими по Карелии пробирался.

Холодно. Снег ветренный под ворот забивается. Я совсем заиндевел. Тут брат и говорит:

– Ты, Санька, пробегись за санями. Согрейся. А мы тебя через версту обратно подсадим.

Верста быстро проскочила. Только остановились сани. Только я к ним подбежал... А негодники: хлоп – по лошадиному крупу вожжой. Лошадь – вскачь. Я – следом – уставший, замороженный, от ветра снежного отбиваюсь-отплевываюсь – еле плетусь. Сжалились дружки. Пустили в сани... Тут и бытовка леспромхозовская недалече...

На обратном пути – с пустыми бидонами – лошадка наша шибче пошла. Повеселела. Чай, конюшня родная впереди маячит. Теплая. Сенная. А к вечеру похолодало. Друг и брат замерзли, на санях сидючи.

– Давай, – говорит мне дружок браткин, – ты, Санек, правь, а мы за лошадкой побежим, согреемся.

– Да не вздумай гнать, – отвечивал братик, – кулак у меня тяжеленный...

Ну, к тяжелым, неординарным ситуациям мне не привыкать. Хлестнул я кобылу по загривку крепко, чтоб знала наших. Та – ракетой по насту припустила. Обида давешняя на пацанов во мне – и животному чуткому передалась. Мчит – удержу не знает.

– Стой, чертяга! – кричат бегуны. – Заморил совсем. Останови сани!

А я – только пацаны упаренные подбегут – лошадку вожгой подгоняю:

– Но-о-о, шальная!

Будет надо мной, малявкой, изгаляться. Ужо попомнят!

Над санями снежки свистят. Я голову в воротник спрятал: думаю, убьют, ежели догонят. И – хлысть, хлысть лошади по холке. Шибко пошла, нервозно. Будто волки голодные за ней припустили.

– Стой, сволочь!

Да где там. Утонули звуки в вое метели. В снегах карельских... Только я в Кривцы заехал, с саней спрыгнул – сразу домой – к мамке. Как мог впопыхах ситуацию щекотливую объяснил. Тулупчик скинул и – сразу на печку, в дальний угол забился. Сижу – ни жив ни мертв. Брат с другом, взмыленные, запыхавшиеся, в избу вваливаются:

– Где этот ездун? Куда Санька сховался?

– А вам чего от него надо? – смеясь внутренне, но с серьезным видом спрашивает мамка.

– Мы его, кажись, приедем! Он нас всю дорогу от леспромхоза гнал, санями подманивал. Ирод!

А мама в ответ:

– Так и вы его давеча обижали. Все честно (а сама на лежанку в теплом запечье с улыбкой поглядывает). Идите – одежду сырую снимайте, герои. Будет вам впрок наука, чтоб над малыми да слабыми не издевались!

Справедливая у меня была мамка. Настоящая. Добрая. Светлая ей, непреходящая, всекривцовая память!

* * *

Сколько уж лет минуло, сам уже и отец, и дед не единожды, а все иду своим бережком – и куда выйду – бог весть... Маюсь, блуждаю по свету – будто в крошечной темноте. Прохожу по самому краешку,

оступаюсь, падаю, наживаю досадные болячки, – и смеюсь, и плачу. Когда один – плачу горько, когда на людях – смеюсь до колик, со всеми вместе над собой ухохатываю... Нет уже ни папы, ни мамы, подгнили и рассыпались на нашей улочке избы, и место то сровняли бульдозером под арболитовые дома для передовиков леспромхоза, нынешнего ООО, ответственного за лесозаготовки, но то ж – ограниченно...

А я все хочу вернуться в свой двор, где старые яблони у окна и поленница дров, где колодезный журавль держит раскачанное ветром жестяное ведро и закатное солнце плещется расплавленным золотом на самом донце. Как птенец, вылетев из гнезда, опробовав крыло, испытал восторг полета, – а вдруг сожмется от ужаса под внезапную тень коршуна и, уцелев каким-то чудом, – ищет и, бывает, не находит свое гнездо, так и я ищу и не нахожу своего дома. Тыкаюсь в матросский кубрик, молдавский виноградник али в пустынный берег Белого моря. Но – продолжаю верить, что каждый человек, пусть даже самый что ни на есть пропащий, заблудший в чащобе жизни, достоин чуда. И однажды крепкая уверенная рука поднимет Саньку Савельева за шиворот и – откроются мне такие дальние дали, что забудется и беспросветная моя одиссея, и обидные прозвища, а мама прижмет к груди мою бедовую голову, ответит домой и вылечит смешные комариные укусы судьбы.

Журавлики

Тысяча добрых дел. Тысяча хороших людей вокруг. Тысяча прочитанных книг, стихов, рассказов. Тысяча написанных мною, пронизанных всеми перечисленными тысячами житейских ручейков строф... Может быть, это и есть отголосок японской легенды, где тысяча бумажных журавликов, сложенных несовершенным человеком, разлетевшись повсюду, продлевают, раздаривают миру единственную жизнь?

Что ел повар

Родители моих внуков, отправленных к нам на самоизоляцию в поселок Марциальные Воды, привезли много вкусностей. Конфеты. Пирожные. Халва. Постепенно дошла очередь и до пачки печенья «Черная смородина». Старшая внучка изучила состав неприятного мучного изделия: глюкоза, фруктоза, мальтоза... со вкусом черной смородины... «А где же сами ягодки?» – прошамкала, поглощая очередную печеньюху, младшая внучка. «Ты еще радуйся, что со вкусом, а не с запахом, – блеснула

кулинарными познаниями старшая. – Вот погоди, скоро нам будут втюхивать печенье от шеф-повара, который в детстве ел черную смородину...»

Синее-синее море

Как давно я ждал этого прыжка! – с двухметрового волнореза, ласточкой, в волны Черного моря!

И вот – расставание... Упала на дно «Купальни графа Воронцова» блеснувшая в лучах закатного солнца пятирублевая монетка... Я дома...

Давно смыты с кожи и седеющих волос крупинки морской соли. Бледнеют синяки на пузе – доблестные свидетели ежедневных схваток с Посейдоном. Потихонечку сходит с плеч неровный южный загар... Но – кромка теплого шершавого волнореза, волнующие ощущения полета, щенячьего мальчишеского восторга, преодоления пенной стихии, погружения в глубину детских воспоминаний – не отпускают, – ни строки, ни сердца!

* * *

Внучка спросила:

– Дедушка, что ты слушаешь эту песню, ведь слов не разберешь?

До нашего балкона – от вечернего южного паркового танцпола – доносились обрывки популярных и незнакомых мне современных песен.

Я попытался отшутиться:

– Да я, внученька, и иностранных исполнителей слушаю, хоть языка тамошнего не знаю...

– А как же ты поймешь, о чем они поют?

– Если люди поют, значит, поют о любви.

* * *

Удивительно, что при встрече с морем, южным ласковым небом, галечным пляжем, наступая на собственную тень у кромки берега и белой соленой пены, я снова вижу себя трехлетним карапузом на Сочинском взморье, несмело ступающим в манящую и неведомую стихию своей судьбы... Пройден не один житейский океан. Притупляются желания. Успокаиваются чувства. Мы меняемся. Тени – остаются прежними, маленькими, кривоногими, беззащитными; они соединяют нас с морем, детством, теплыми прикосновениями дорогих воспоминаний.

* * *

Даст Бог – повторятся не единожды в моей жизни минуты, напоминающие пребывание Адама в райском саду, минуты, в которые я могу наблюдать, как

сквозь взлохмаченные крымские сосны в синее-синее море падает багровое яблоко солнца.

Тайны обоев

Луговые цветы, ровные еловые посадки, метелки тростника, водная рябь... Все эти линии, цвета и разводы погружают меня в обстановку старой родительской квартиры. Будто бы снова глазам любопытного мальчишки открылись – одна, вторая, третья – потайные дверцы в сказочную страну детства: шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы...

О многом говорят слои разодранных кошкой обоев.

Подростковый клуб

Как-то пригласил меня Паша – мой двоюродный брат – на прогулку. А чего не погулять: летние каникулы, времени свободного – навалом, и погода на загляденье – солнечно, сухо.

– Пойдем напрямик до Сайнаволока. Покурим. Я тебе еще «Подростковый клуб» покажу...

Какой подростковый клуб? Жил Паша на окраине Петрозаводска, дальше его дома – еловый лес. Стало интересно. Пошли по тропинке вдоль Онежского озера, чтоб не заблудиться. В районе Сайнаволока подошли к заброшенной лесной будке.

Паша быстро нашел ключ под неприметной доской и отпер дощатую дверь... Стоящая внутри темнота осветилась неверным прыгающим светом – это Паша зажег свечу, стоящую на закапанном колченогом столе.

У брата – начинающего курильщика – спички всегда под рукой.

Будка по-настоящему удивила. Неприглядная снаружи, внутри – вернисаж эпохи Возрождения! На стенах, обитых гладкой фанерой, неизвестный художник изобразил... обнаженных женщин. Для четырнадцатилетнего мальчишки советских времен все здесь было в новинку. Запретно-притягательные формы тутошних красавиц не шли ни в какое сравнение с впечатлениями от посещения женского отделения общественной городской бани, куда меня – трехлетнего – по субботам таскала мама.

– Держи свечку – любуйся, – ухмыльнулся выдавший виды Паша. – А я пойду за будкой покурю.

В дрожащем таинственном свете вокруг меня кружились закутанные в длинные ниспадающие волосы богини. Обнаженные руки. Округлые бедра. Зазывные полуулыбки. Через минуту я почувствовал подозрительное стеснение в горле и теп-

лоту в животе. Удивительная угольная графика была выполнена мастером своего дела: картины оживали, девушки двигались в медленном прекрасном танце, окружая несведущих юношей ослепительной наготой.

Действительно, этот «подростковый клуб» не был похож на пришкольные кружки – организованные и назидательные. Целомудренная эротика и волнительная недосказанность новоявленных шедевров осторожно приоткрывали пикантные, ранее запретные в стране Советов темы, где, по заявлению одной возмущенной гражданки, выступившей по телевидению: «Секса не было и нет!»

Я был на седьмом небе познания, смущения и притягательного ощущения сопричастности прикосновения к тайне бытия, когда потом – по пути к дому – обкуривал с братом увиденные сады, сплошь и рядом усыпанные упавшими райскими яблоками... После посещения «подросткового клуба» я долго не мог уснуть и наяву грезил теми соблазнительными линиями, намеками, скрытыми прелестями, будущими откровеньями жизни... А жизнь, неисповедимая и противоречивая, шла своей заколоченной дорогой.

Мужая и странствуя, я начал искать идеал нежности и красоты, притягательности и обаяния соразмерно собственным представлениям, чаяньям и восторгам и нашел его – в своей любимой...

Четверо на самокате

Я назвал эту историю – «Четверо на самокате», но вообще-то на самокате была моя младшая внучка Ларя. Трое взрослых просто вышли прогуляться по солнечной лесной дороге, вдоль марциальноводоводского водопровода. Хотя самокат играет в истории важную роль... Вокруг звенела весна! Пели птицы, топорщились по обочинам несмелые травинки, зеленела первая листва, синело ласковое небо, бурлили ручьи.

– Бабушка Марина, – прощепетала внучка, – а во что мы будем играть? Чтобы не было скучно...

– А ты разве не помнишь, во что мы вчера играли?

Конечно, помнит! Сама природа говорила, подсказывала, пела и ненавязчиво советовала продолжить начатую днем ранее игру «Оглянись вокруг и – увидишь вдруг». Все, что тебя заинтересует по дороге, можно превратить в загадку, назвав первую заглавную букву. Принимая во внимание восторженное поэтическое воображение, начал, естественно, я:

– Слово на букву «Б».

Марина тут же дала правильный ответ:

– Бульжник!

И поехало. Марина загадала «Рябину». Тетя Ирушка «Почку». Дошла очередь до внучки:

– Видимое всем на букву «С».

И тут, как говорится, шестерни заело. Были перечислены всевозможные «сучки и соломинки, сосны и синицы». Все не то!

– А что, это и потрогать можно? – удивилась Ира.

– И потрогать, и увидеть! – торжествовала Ларя, наматывая вокруг нас круги на самокате.

– Сдаемся...

Наш единодушный сокрушенный вздох осветила внучкина улыбка:

– Да вы же на нем стоите! Это – спуск!

Действительно, спуск. А с той стороны – подъем. Осязаемо. Наглядно.

– Ну, загадывай дальше, самокатчица, раз мы так обмишурились...

– Слово на букву «Т».

Оглянулись мы окрест и раз, и два, и десять. Назвали траву, тресту, трассу, тетерева, таракана, трубу, вспомнили даже – трусы – ничего не подходит. Все перебрали!

– А на нас оно есть? – поинтересовалась Ирочка.

– Каким-то образом это к вам может относиться, – загадочно ответила Ларя.

– Ну, все, говори, егоза! Не томи. Не можем мы слово твое отгадать.

– Да тормоз это, тормоз! – торжественно произнесла внучка, надавив ногой на соответствующую деталь своего самокатного транспорта.

Взрослые, не сговариваясь, переглянулись: действительно, это слово к ним очень даже подходит. Только во множественном числе – «тормоза».

– Да, – рассмеялась Марина, – ну и словечко ты выбрала, удивила! Совсем как твой дядя Сережа в глубокой молодости. Ему пять лет было, когда мы в отпуск лететь собрались. Сидим в аэропорту с чемоданами – регистрацию ждем. В «Оглянись вокруг» играем. Сергей тоже слово на букву «Т» загадал. Мы голову поломали, над этой загадкой думаючи. Все на букву «Т» – «тупим» и «тугодумы» на ум слова приходят. Чуть на самолет не опоздали. А слово-то, оказывается, на чемодане красовалось – «тикетка» называется. Как услышал, так и загадал...

Э-э-х, ребята, красота-то какая в Марциальных! Весна! И живем мы, как в песне, и гадать не надо – оглянись вокруг, посмотри, «посмотри, как хорош мир, в котором ты живешь».

Огонь или холод?

Из льдинок можно составить слово «Вечность». Из костровых угольков – слово «Верность». Со временем – лед растает, уголь остынет...

Огонь или холод? Какой ожог ты никогда не забудешь? Какой потери ты не перенесешь?

Память раздует уснувшие угольки и повторит сладкий ожог сердца: блики костра на водной ряби родной реки, печной дым над родительским домом, веселые огоньки счастья в милых глазах любимой – непреходящий, незабываемый восторг истинного бытия.

За спиной

Иду по безлюдной лесной дороге. Безмятежная вечерняя тишина нарушается внезапным упругим порывом ветра. Я не один. Кто-то неотступно следует за мной от самого поворота на лесистом взгорке. Готовый ко всему, интуитивно резко оборачиваюсь на шелест шагов за спиной... В длинном радужном плаще, желтой шляпе, забрызганных зеленых галошах – меня догоняла осень...

Мистер Икс и пандемия

Чума, холера, оспа – остались в прошлом. Люди вздохнули свободно. Но...

В связи с пандемией нового массового коронавируса дышать надо было теперь осторожно, используя средства индивидуальной защиты. И лучше всего дома, закрывшись на все засовы. Ну, не без послаблений, конечно. В российских городах открылись филармонии, музеи и театры. Вот как раз с театром и произошла забавная ковидная коллизия.

В октябре в Музыкальном театре Петрозаводска состоялась долгожданная премьера – оперетта «Мистер Икс». Стойкая и безгранично преданная Мельпомене публика, как и положено, в масках и перчатках, заполнила зал, партер и ложи, рассевшись в безопасном шахматном порядке. Народ был готов ко всему: приставленному ко лбу температурному «пистолету», гигиеническим прыскалкам, закрытому буфету, беспардонному покашливанию соседа справа, карете скорой помощи, дежурившей у парадного входа, и даже к неожиданной пожарной тревоге. И все же фирменная ария Икса: «Всегда быть в маске – судьба моя!», встреченная мертвой леденящей тишиной, прозвучала угрожающе...

Писатель...

Отправил жене передачу в больницу. Через «Приемный покой». Кругом церберы сидят, следят за тем, как я долго в пакетах ковыряюсь, продукты перекалдываю, а у них прием посылок и бандеролей строго по часам. Пандемия – не забалуешь. Так обступили, что я защитной маской не

только ухо-горло-нос, но и все мозги укутал: сверху пакета сопроводительную записку прикрепил, тут же накаляканную: «Херургия, палата №12». Вот так через «хер» и отправил. И этим профанством чуть не поднял с постели жену, перенесшую трехчасовую операцию на колене. Благо телефон был на тумбочке, по нему-то я все неллицеприятные слова о себе и услышал. Что бы сказал мин герц – лечащий врач – попадись ему на глаза вопиющее невежество мужа! Одно слово – писатель...

Вся «королевская» рать

Стояла военно-строительная «королевская» часть, где мне довелось проходить офицерскую службу, около железнодорожного моста на окраине Петрозаводска. Неподалеку, за лесополосой и речкой Лососинкой, несколько жилых бревенчатых дворов притулилось. Особняком доживали свой век. Но домашнее хозяйство на хуторе имелось. Козы. Куры.

Пошли как-то двое солдат-азербайджанцев в самоволку – через лес на Перевалку, где их фаворитки обитали. Туда и обратно – трех километров не будет... И надо же такому случиться – увидели на хуторе лошадь. Стреноженную. Гашкой кличут. Хозяин-цыган ее поздно на двор загонял. Гуляет себе. А солдаты – деревенские. К скотине приученные. Недолго думая ножом по путам полоснули. Хоп! – и уже на Гашке верхом скачут. Каблуки в бока. Гикают что-то по-айзербутски. И вместо самохода обратно в военно-строительную часть повернули.

В казарме гогот. Гам. Улюлюканье. Друзья-проказники лошадь на дыбы ставят, все препятствия – раздвинутые одноярусные кровати – преодолеть норовят. Гашка – кобыла смиренная. На седоков не ропщет. Да полы в бараке – дыра на дыре. Сгнившие и забитые мусором щели закрашивались раз в квартал густой масляной темно-коричневой краской. И вот при выполнении очередного конкурного элемента, аккурат посередине расположения воинского, Гашка в труху древесную провалилась.

Пробовали джигиты ее за холку вытащить. С хвоста заходили – ни в какую. Застряла лошадь. Бойцы посмекалистей веревку через балку потолочную протянули, простынями брюхо травяное подпоясали и – ввысь! Воздели животное. Только разик и качнули... Тут дежурный по части пожаловал. Принесла нелегкая... Офицер глаза растопырил, зажмурил, снова растопырил: опять перед носом кобылье подхвостье маячит! Ну и гаркнул что есть мочи: в бога, в душу и в мать ее качелину, военных строителей нарожавшую! Смирная кобылка не на шутку струхнула. Копытами от пола мелькнувшего оттолк-

нулась и – в два пегасовых скака окна казарменное преодолела. Узкое, но по причине лета открытое настезь. Мастера конного спорта такой прыти от своих иноходцев ввек не добьются.

Больше никто в наших краях Гашку не видел... Цыган приходил. Спрашивал. Да ушел несолоно хлебавши. Не возьмет в толк, куда кобыла стреноженная подевалась. Не улетела же...

* * *

До осени мероприятия по спайке нашего «королевского» коллектива проходили в пойме реки Лососинки.

«Королевскими» почему-то издавна называют военно-строительные войска.

А тут и случай подобающий, троекратный – воскресенье, пятнадцатое августа, День строителя.

Развели костер. Прихватили из столовой кастрюлю с кашей, кружки, хлеб, кусковое сало, бочковые зеленые помидоры. И, отдав должное простой солдатской пище, господа-офицеры пустили по кругу одну, вторую, третью бутылку «Пшеничной»... Ребятишки, рыбачившие неподалеку, натаскали хворосту, сучьев для поддержки сыроватого огня. Полыхнуло. Побежали, обгоняя друг друга, по сухому древу жадные огненные язычки.

Зампотыла, распорядившийся фуражом и очередностью тостов, запихнув обратно в рот вылезшую вместе с черствым бутербродом вставную челюсть, зажевав наспех недосказанную давеча речь, выдохнул:

– Купаться!

Вся «королевская» рать, разгоряченная жаркими бесконечными спорами о преимуществах «железной» дисциплины, пошла купаться...

Не оставив своих суворовских замашек, заместитель командира роты по службе бухнулся в бурную порожистую реку не раздеваясь. Потом все грелись... На ветках и кольях парились лейтенантская форма, сапоги, фуражка. Дымились носки. Сам добрый молодец сладко спал на теплой зольной земле...

Садилось солнце. Догорал костер. Проснувшись от дикого предосеннего холода, лейтенант не обнаружил на берегу ни одной живой души. Не было и одежды. В кучке золы, пепла и сапожных гвоздей нашлось несколько пуговиц, звездочка и погнутая обгоревшая кокарда... Пришлось зазевавшемуся костровому по темени домой добираться. Босяком. В трусах и майке.

Больше замкомроты в спайках коллектива участия не принимал. Бегом заниматься начал. Трусой. Окреп физически и морально. Примерный здо-

ровый дух в провонявшее портянками подразделение вносил самолично!

Известно, что за океаном к «королевским» военно-строительным войскам пригляд особый. Там знают, что этим воинам даже оружие не дают. Лопатами замордуют.

* * *

Армейский автомарш. Это не плац или загородное стрельбище сапогами уютить. Это – «обкатка» молодого пополнения. Особливо – военных водителей. Да не один знойный день, непроглядную ночь. Да по бугристой казахстанской степи...

Назначили меня, как командира отделения, старшим машины. На водительском месте – рядовой Калбасенов, молоденький казах, первогодок. Но смысленный, чертяга.

В кузове запыленный и необстрелянный молодняк. Чего-чего, а пыли в степи было предостаточно: пристроился наш ЗиЛок в конце длиннющей колонны... Через пару километров – стук по кабине. Остановились. Коровин, вологодский парень, проокал в приоткрытую форточку:

– То-о-варищ сержант, остановите у Кочало... – и шась с борта в кусты.

Через пару километров, когда колонну неторопливо догнали, опять стук по кабине и заполосный бас Коровина:

– Остановите у Кочало!

Тут я не выдержал:

– Да нет здесь, говорю, никакого Кочало! Я специально по карте справился. Кокчетав и Капчагай есть, а Кочало – нет!

Коровин, зажав здоровенной лапищей рот, уже без разрешения с борта сиганул, на три метра от машины отлетел и – давай суслика, ошалевшего в норе, пугать: уа да уа.

Станция Тошнилово – как мне потом объяснил ушлый Калбасенов – на пути нашего автомобильного марша тоже не значилась.

* * *

В батальоне обслуживания при Чебаркульском полигоне собралась теплая и спаянная компания. Вместе когда-то в Свердловске служили, на артиллерийских полигонах пересекались. Спайка коллектива продолжалась до полуночи. Прозвенел станканами неумолимый сигнал «Отбой». Завтра совещание... Доктор санчасти, заметив мой опечаленный вид, сходил быстро до своей айболитовской каморки и вернулся с презентом:

– Не кручинься, добрый молодец. Утро вечера

мудренее. Вот тебе аспирин и активированный уголь. Перед сном выпьешь – завтра будешь как стеклышко!

Выпил, вернее, запил я лекарство остатками молдавского вина – и тут же об этом забыл. Потом вроде пиво усугубил. Потом еще чего-то... Ночью проснулся по нужде, лицо под краном ополоснул. Сплюнул в раковину и – похолодел. Возвращаюсь на ватных ногах к ребятам в комнату общежития, бужу первого попавшегося пушкаря:

– Ваня, Ваня, со мной что-то нехорошее происходит. Пошел в туалет, сплюнул – а у меня слюна черная!

Хмель с Ивана, как и с меня давеча, сразу сошел. Повели меня друзья среди ночи в санчасть, где доктор спал. Может, промывание какое сделать надо. Анализы сдать. В такой ситуации ничем брезговать нельзя. Поди знай, что в организме прохудилось.

Доктор со сна пока очухался, клизму готовить начал, воду кипятить. А когда о слюне черной услышал и на мое зеленое лицо посмотрел, все у него в голове сложилось окончательно:

– Это у тебя от активированного угля язык черный, а не от пива! После завтрака – на совещание не опоздай... Офицер, а слюни распустил. Слюнтяй вислогубый!

Ребята – в покатуху! Офицерское общежитие слухом наполнилось, вечером по коридорам и комнатам пролетало: «слюнтяй вислогубый», «а у меня слюна черная!», «артиллерист – яйцеглист». На мое спасение в следующую ночь по боевой тревоге начались окружные стрельбы. Не до меня стало армейским весельчакам и зубоскалам. Загудел, заухал Чебаркуль. Начиналась тяжелая мужская работа, проверялась порохом армейская спайка – на благо обороноспособности страны.

Пассажир

— Не могу я больше! – взмолился закоченевший милиционер. – Сколько мы еще ждать будем? Никто за «жмуриком» не приедет! Кому охота в такой мороз из теплой постельки вылезать... Лейтенант, ты что молчишь? Делать что думаешь?

Я не знал, что делать. В сгоревшей лачуге гуляла поземка. Обледенелые бревна, бичевское барахло уже не пыhalo жаром, как два часа назад. Густой снег заносил разъезженные пожарными автоцистернами морозные колеи. Умчались огнеборцы. Поди, в тепле скрипят топчанами и в ус не дуют. А куда мы угорельца денем? Без транспорта. Направления следователя на экспертизу... Каждая минута дорога для меня с милиционером. На этом собачьем холоде угорелец и неделю

пролежит. Как ни в чем не бывало. Чего не скажешь о нас, живых...

– Лейтенант, – не унимался старший сержант, – ты же пожарный инспектор. Офицер. Напиши направление! У меня в планшете и бумага соответствующая есть. Только закорючку поставь. А я «уазик» наш милицейский по рации вызову! «Жмуровозки» ты ввек не дождешься!

– Как? На «уазике» повезем?

– А то! Подписывай...

Визг тормозов и моргание фар в Цыганском поселке показали нам Божьим знамением. Кое-как перетащили тело на заднее сиденье и – замерли в недоумении. Впереди осталось только одно свободное место...

– Так, – встрепенулся находчивый милиционер, – ты с этим садись. А мне шоферу дорогу показывать надо! Да и техника эта ровзедешная, а не пожарная – другой субординации требует.

– Цто-о-о? – прошипел я замерзшими непослушными губами. – Сам садись! Сустрый какой!

– Та-а-а-ак. Бумагу ты подписывал? Ты! Значит, отвечать будешь по полной! Вот вывалим мертвяка – хоть до утра с ним в обнимку прохлаждайся и перевозки жди!

– Холосо, холосо! Только на поворотах полегче...

По пути, вырулив на освещенный проспект, по взмаху старшего машины – все того же ушлого сержанта – притормозили около двух загулявших девиц.

– Девушки! – осклабился неугомонный ловелас. – Кого подвезти? У нас место свободное имеется. А кто погорячей, на колени посадим – погреемся!

И дверцу заднюю открывает... Дамочки, как пассажира копченого разглядели, в сугроб попадали. Завизжали как оглашенные! Тут и у меня голос прорезался. Хлоп – шутника по форменной шапке:

– Гони, – говорю, – в морг, дубина! Четыре часа ночи! Покойник по салону мотается! А тебе все шутки шутить! Гони! А то я за себя не ручаюсь!

Поехали быстро. Дорогой толкался и клал доверительно голову на мое плечо бедный «жмурик».

Внутри открытки

В старой родительской квартире в глубине моего ученического письменного стола я хранил тонкие детские книжки, подшивки журналов «Юный натуралист» и «Пионер», альбомы с почтовыми марками и... открытки.

Набор открыток с видами Петрозаводска шестидесятих годов до сих пор стоит перед моими глазами. Особенно мне запомнился вид старого Краеведческого музея, переданного в двухтысяч-

ных годах РПЦ, так как до революции он был главным городским собором – святого благоверного князя Александра Невского. Возле собора стоит дом моего детства...

А недавно друг детства отца – дядя Валя поделился со мной своим сокровищем – юношеской фотографией папы. За спиной стройного серьезного юноши угадывались очертания тогдашнего Краеведческого музея! Ко мне снова вернулся музейный парк, заснеженная деревянная горка, различные древности и чудеса – под огромным голубым куполом крыши, напоминающей земное полушарие... или черепаху, которая вскарабкалась на спины слонов, то есть белых толстых колонн, стоящих на страже здания советской эпохи.

Многое изменилось с тех славных пор. Музей переехал на историческую городскую площадь. Но бережно сохраняемые экспонаты, экспозиции северной природы, свидетельства истории карельского края передают дух того времени. И я могу пройти по безлюдным залам и полутемным коридорам экспозиций – улицам городского детства – открыто, без опаски быть окликнутым бдительной охраной... С недавнего времени я работаю в Национальном, бывшем Краеведческом, музее Республики Карелия. И у меня есть прекрасная возможность увидеть любимую открытку изнутри.

На кого похож царь

Петров день на Марциальных водах.

Костюмированное представление с участием «гардемарин» – представителей исторического морского клуба. Я – Петр Первый.

Уже в привычном для окружающих царственном виде – ботфортах, кружевах, камзоле – встречаю гостей курорта и участников ассамблеи. После «прибытия Петра на воды» выдвигаемся по длинной курортной лестнице к бальнеологическому санаторию.

Слегка запыхавшись, шлепаюсь в высокое и глубокое кресло, развернутое в сторону игровой площадки у входа в лечебный корпус, где и разворачивается главное праздничное действо. С удовольствием наблюдаю за шпажными боями и танцами-менуэтами, мастерски исполняемыми участниками клуба. Вижу и приветствую – краешком глаза – прибывающую публику.

Согбенная старушка – из отдыхающих – опираясь на палочку, подошла к выступающим артистам на безопасное антиковидное расстояние и, оглянув кресло, заинтересовалась моей напوماженной, загримированной персоной. Красавец! «Петровский» парик, безупречный макияж – подчеркнуто-яр-

кие, крашенные черной тушью – собственные! – брови и усы. И, наконец, природная харизма.

Я приосанился: может, бабушка комплимент какой сказать захочет али ручку государеву облобызать. Внутренне как-то напрягся, вспотел даже. А старушка глядит на меня голубиными глазками и клюшкой в ботфорт тычет:

– На Гитлера похож...

Вот так. С неба на землю опустила. Мало того, пользуясь моей врожденной галантностью, ушла бабуля прочно завладела моим императорским тронном, утонув до самого носа в мягких поролоновых подушках. Ну и славно! По Сеньке – и шапка. Далеко ряженому царю до ее советского многотрудного долготетия. Пусть сидит сколько хочет. Заработала. Заслужила.

Вымысел не ложь

Чрез многие книги одного из моих любимых писателей Виктора Астафьева проходит выстраданная, испепеляющая мысль: правда страшнее лжи... Правды не добиться, правду скрывают, потому что ее неприкрытые язвы могут раззудить, расцарапать душу, «заражением» правды можно убить веру в себя, свое дело, свою страну. И, вместе с тем, не ложится мне на сердце расхожее выражение – ложь во благо. А вымысел... Удивительное дело, парадокс! – но вымысел, иносказание, фантазия, сказка облагораживают правду, обнажают ее раны щадяще, по касательной, исключительно в нравственных, целительных целях, с растерпанным помелом али шапкой-невидимкой, с юмором и самоиронией обходя больные, удручающие темы. Вымысел – жизнелюбивее рубящей сплеча, бескомпромиссной правды.

Пикалевские поэты

Семью Мыльниковых в Пикалёво знает всякий. Отец с сыном на комбинате – на хорошем счету. Стихи пишут. И, как водится у тонких натур, исключительно для чистоты восприятия – водочку сладкую употребляют. Мать с их творчества глаз не сводит. Муж, когда вдохновения ентого нахлебается, в любом состоянии всегда домой приходит. А у сына Антона – Тоши – талант, говорят, особый...

Собрались как-то мыльниковские мужики по грибы. И чтоб дважды по грязи не шлепать, на озеро потаенное заглянуть решили: мамку ушницей из окуньков полосатых побаловать. Взяли снасти, корзины, Тошиного школьного друга – к поэзии и походам дальним грибным привычного. Пошли, звонкой провизией позвякивая. Грибы –

все больше поганки и краснухи как мечи футбольные к небу подлетают. Не сезон...

– На жареху наберем! – бодро прошлепал мимо пригорюнившегося на пенёчке сына Мыльников-старший.

– Погодь, батя... Отдохнуть надо.

Сели. Вытряхнули шарабаны. Распечатали поллитровочку. Побежала по кружкам и жилушкам молодецким благодать несказанная. Тут и птахи лесные повеселели, расчирились. Шишки на елях – на низком июльском солнце – как чуды новогодние засверкали. Закусили. Солнце за бок румяный масляный ухватили – ан нет ярилушки. Как и озера заповедного. Три километра – после пикника – прошли, на тропинке одной столкнулись.

– Бать, – вопрошает Антон, – может, ты дорогу перепутал?

– Да нет, – разливая последние капли, отвечает родитель, – здесь оно. Озеро. Пошукать надо...

– Слушай, мужики, – нашелся тут Тошин одноклассник, – давайте я в город сбегаяю, пока далеко от развилки не ушли. Магазин на площади круглосуточный. Без бутылки мы тут не разберемся. А пока костерком займитесь. Я вас по огоньку живо сыщу!

И то дело – чего зря по лесу шастать. Наломали Мыльниковы веток. Дров. Не то что костер – шалаш с мягким еловым подстилом на привале воздвигли.

До сих пор неведомо людям, как парень хмельной, в городской закуской две нормы на грудь принявший, до товарищей своих заблудших засветло добрался. Но факт остается фактом. Озера Мыльниковы не нашли. Домой воротились без корзин, без шарабанов... На следующее утро мамке в глаза глядеть не смели. Добытки. По углам разбрелись: в тетради и блокноты наблюдения поэтические занести спешили. Поэты Мыльниковы. От Бога – поэты:

*Опять Земля меняет платье.
О, где мне взять высокий слог,
Чтоб заключить ее в объятия
Рифм, звуков, образов и строк!
Где красок взять таких палитру,
Чтобы воспеть весь белый свет!
И где бы взять еще поллитру
На случай творческих побед?*

* * *

В магазин перед самым закрытием заходит троица: Паша, Тоша и Аркаша. Тоша с порога – к знакомой продавщице качнулся, о прилавок оперся. Пьяный. Ласковый. В руках кактус и нож – ржавый, огромный:

– Люсь, дай бутылку займы. Получка – на той неделе. Я или батя – отдам.

– Ты отдашь! – вскипела женщина. – Уйди подобру-поздорову! Не мешай выручку считать.

– Люсь, мы ведь только-только с тарелки летающей отпущены были. Не в себе. Марсиане на нас опыт поставили – механизм на жидком топливе в нутро вмонтировали. Еще минут пятнадцать – и хана. Совсем крышу снесет...

И давай на глазах продавщицы кактус свежевать, будто пойманного горшком ежика. На манер ананаса – дольками – себя и друзей своих «зеленых» с ножа кормить.

– Да идите вы... с глаз долой, кролики марсианские! – возмутилась добрая жительница Земли. – Берите бутылку, и до получки чтобы антенн ваших в радиусе километра не наблюдалось!

Громко хлопнула, обдав февральской сыростью пустую залу, пружинная входная дверь.

Пикалёвские улочки тихи.

В черном небе мерцает звезда.

Город спит, он устал от шумихи,

Переключку ведут поезда.

Над простором родного завода

Месяц лихо присел на трубу...

Пьяный сын трудового народа

Головой прислонился к столбу.

Отдохнул и поплелся раб божий,

И пропал в угрожающей мгле.

Он такой же случайный прохожий,

Как и все мы на этой земле.

* * *

Антон Мыльников в хозяйстве – не очень... После трудового дня и прочих сердечных «нагрузок» не то что отвертка – тарелка в руках ходуном ходит. Но матери-то помогать надо... Вот и решил Тоша ведро мусорное на двор вынести. А там приятель рефрижератор свой на стартовую позицию выводит. Песочницу детскую колесами ровняет. Веселый.

– Поехали, – говорит, – Тоха, в Питер! День туда, день обратно... Мне напарник во как нужен!

– А чё, поехали... – И как есть в шлепках и дырявом трико – 300 км до Санкт-Петербурга маханул. А там пешочком – до киоска – время убить...

Пока приятель грузился, пока бумаги оформлял, оглянулся – нет Тохи. Обежал для проформы соседние дворы. Покричал. Помялся сиротливо у грузинской фуры. И всю дорогу до Пикалёво от дум неселых «дворниками» отмахивался.

Мать Антона поначалу весточке этой обрадовалась – жив-де, не сгинул с ведром-то злосчаст-

ным! А после, как о Питере проклятушем бандитском подумала – покой потеряла. В милицию обратилась. Те запрос. Фото...

И вскоре отыскалась пропажа – в скверике на Литейном. На лавочке. В халатике женском и тапочках на босу ногу. Участковый тамошний поинтересовался, что это молодой человек на вверенной ему территории без документов околачивается.

– Дома документы. Антон я, Мыльников. Из Пикалёво.

Сержант ориентировку к Тошиной личности приложил: точно – Мыльников!

– Что же это ты, друг-товарищ, от мамы прячешься? В халатики срамные рядишься? Тебя бы в таком виде на передачу, что по понедельникам по телику идет «Ищи меня, свищи меня», за уши притащить.

– Да дамочку я одну встретил. Вот на этой самой скамейке. Заглянул-то на минутку – чайку хлебнуть... Вот покурить вышел...

Мать на звук распахнутой двери рванулась:

– Тоша! Что же ты со мной делаешь?

– Все, мама, хватит. Завязал. Домосед я теперь, до-мо-сед! Еще соседям в пример ставить будешь. Принимай ведро... Бать, когда на рыбалку пойдём? Окунь на озере – о, какой! На голый крючок клюет! Красота.

Ненаписанный роман

Испорченный телефон... Детская игра находит свое продолжение и в нашей современной инновационной действительности. Хоть смартфон, хоть стационарный дисковый «бронтозавр» – не спасет обывателя от дефектов дикции и слуховых неразумений.

Давеча в качестве подарка на свой день рождения заказал другу книгу. Без всяких пятитысячных закладок (ищи ее через год) – для меня книга самый лучший подарок. Да и автор популярный – Бернард Корнуэлл. Историко-приключенческие романы пишет. Продиктовал корешку название сборника по сотовому телефону. Автора напомнил. Пригласил на торжество...

В назначенный день дружок приходит и разводит руками. Сначала обнять, конечно. Потом – чтобы историю покупки книги рассказать. Удивление изобразить:

– Ну ты и задачу мне задал, именинник! – не переставал изумляться гость. – Перевернули с продавцом весь книжный магазин. Подняли из недр интернета все книги Корнуэлла. Нет такого романа, не написал еще беллетрист придуманного тобой произведения «Аргентинский танец»!

– Какой, – говорю, – к лешему «Аргентинский танец»? Я же тебе известный триптих Корнуэлла заказал «Арлекин. Скиталец. Еретик»!

И сам чувствую, что звучит название как-то непонятно, двусмысленно, что ли...

– Ладно, – сжалился дружок, вытаскивая из-за пазухи книгу, – получай свой подарок... Только последняя часть однотомника «Еретик» и указала мне путь к вожделенной полке с приключениями. А то до сих пор бы шарады твои телефонные разгадывал, мацо аргентинский!

Похихикали мы дружно над моей писательской скороговорной речью, которая любой телефон «испортит», и, пританцовывая, двинулись к накрытому праздничному столу.

Получайте, гады!

Звонок по сотовому телефону:

– Это «Сбербанк России»! С вашей банковской карты кто-то сейчас снимает денежные накопления! Срочно сообщите свой пин-код, и мы заблокируем карту!

Принявший вызов молодой человек, откашлявшись, спокойно отвечает:

– Я вас понял... А вы меня хорошо слышите?

– Слышим вас отлично! Диктуйте цифры! Но не выключайте телефон, иначе мы не сможем вам помочь!

Молодой человек положил аккуратно телефонную трубку на стол, подошел к кухонному шкафчику, достал из него металлическую кастрюлю и половник. После чего – для надежности – поднял трубку:

– Вы меня точно слышите?

– Да! Да! Говорите код! Надо действовать или вы останетесь без денег!

– Я сейчас...

Счастливый пользователь банковской карты накрыл лежащий на столе телефон кастрюлей и со всей силы начал долбить по ней увесистой поварешкой:

– Достали, сволочи! Вот вам – списанные деньги, заблокированная карточка, а вот – за безлимитный тариф, за беспроцентный кредит, за страхование вклада, а это – за выгодные банковские предложения! Получайте, гады!

Черно-белый кадр

Что значит для нас застывшее мгновение, когда ты не можешь ничего предотвратить, проснуться, пошевелиться, забыть и выбросить вон происходящее, когда перед твоими глазами проносится вся прошедшая жизнь?

Подчас пережитое напоминает один и тот же черно-белый кадр немого кино...

Давняя авария на железнодорожном переезде под Петрозаводском. Локомотив на полном ходу врезался в застрявший на рельсах переполненный людьми рейсовый автобус... Один из немногих оставшихся в живых пассажиров – мой поселковый знакомый – с тех пор не может смотреть фильм братьев Люмьер «Прибытие поезда».

Короткая жизнь гордого Яши

Захотела младшая дочь попугайчика волнистого завести. Отец семейства Евгений Костюнин – человек сметливый, обстоятельный – взялся за дело со всей серьезностью. Что там дешёвый зоомагазин – через известного заводчика птенца несмышленного добыть расстарался.

Специалист-производитель продал счастливому родителю – за приличные деньги – уникальную особь. Говорящую. Мол, как только мальчик (желторотый птенец был мужского пола) родился – его тут же от мамки отлучили. И отныне он обречен на одиночество. Для говорящих попугаев очень важен этот строгий образовательный прием, чтобы новорожденный языка птичьего не слышал... Так что первыми учителями Яши были костюнинские домочадцы.

Через полгода этот любопытный пушистый желто-зеленый лимончик стал любимцем, почти «родным сыном», большой и дружной семьи. Его так и прозвали – Яша Костюнин.

Оперившийся птенец, горделиво расправивший свои крылышки волнистого темно-бурого окраса, отвечал приемной семье полной взаимностью: причем человеческим голосом. Зайдет утром в гостиную своего большого просторного дома, где была установлена птичья клетка, жена хозяина Галина – тут как тут раздаётся Яшино приветствие:

– Доброе утро, любовь моя!

Пройдет мимо – по своим делам – младшая дочь Марина, а следом уже доносится:

– Марина, учи уроки!

И неправда, что попугаи бездумно, попусту болтают. У Яши все по времени, по обстоятельствам произносилось: складно и в тему. Приляжет после обеда Евгений на любимый диванчик в гостиной – вздремнуть маленько. Ан и тут Яшка остроглазый на стреме:

– Спать хочешь? Пошли спать!

Выпустят Яшу из клетки – крылышки размять – он дугообразно, как ласточка, с торшера на трельяж, с комода на шкаф перепархивает. А то и на плечо старшей дочери Светланы приземлится:

– Давай поцелуемся, любовь моя!

И точно, нежно дотрагивался лаковым клювиком детских губ. Прищелкивал от удовольствия... Причем эту же фразу – с цоканьем клюва о клюв – он произносил, стоя на деревянной подставке, куда было прикручено чучело рябенькой куропатки. Только строптивая красавица на ухаживания хохлатого юноши никак не реагировала. Чего не скажешь о кокетливой, частенько заглядывавшей «на огонек» Галиной подруге... Как-то во время новогоднего застолья попугай смело взлетел на плечо хохочущей кокетки. Наслышанная о Яшиных гусарских замашках, женщина вытянула губки для поцелуя со словами:

– Ну, поцелуемся, что ли?

И – поцеловались... Обольстительница попугая была назидательно и категорично укушена в пухлую губу.

– У-у, козел! – шикнула на вероломного кавалера разгневанная подруга.

После того случая каждый приход в дом Костюниных этой любвеобильной особы сопровождался Яшкиной репликой:

– У-у, козел!

* * *

– Яша крашавец! – частенько обращал на себя внимание усыновленный попугай, покрутив по сторонам расхохленной головкой. Но все же самым любимым выражением этого волнистого чуда было пророческое изречение:

– Берегите попугая – это птица дорогая!

Откашляется, отскребёт, как заевшая в магнитофоне лента, и снова:

– Кх, кх... Берегите попугая...

Да, недолг попугайский век. Это только удав – соответственно размеру – в попугаях гораздо больше простирается. Ни прелести Галиной подруги, ни домашняя кошка, ни распахнутая форточка – не смогли подманить к себе горделивую птицу... Яшка Костюнин умер внезапно, ночью, сбившись в пуховой комочек на своей зарешеченной сценической арене, от молниеносной птичьей болезни – в возрасте неполных семи лет. Но наговорил, начудил при этом на целый рассказ... Вам решать – выпустить ли его на волю или беречь в уголках любопытной памяти.

Пишите книги

Перевернется Вселенная, выйдет из строя Солнечная система, исчерпает свои жизненные ресурсы Земля, сгинут письмена, иерогли-

фы, папирусные и берестяные свитки, развеются ветром каменные пирамиды, постепенно исчезнет всякое упоминание о человеческой цивилизации, за исключением нескольких экземпляров... Но прежде всего исчезнут интернет, цифровые фотографии, электронные библиотеки, волновые иллюзорные свидетельства существования человечества на голубой планете...

Так вот, пишите книги! Издавайте в печатном виде ваши мысли и представляемую образную картину мира – это ваши петроглифы, ваши наскальные рисунки современности, которые, возможно, будут жить в постинтернетную эру долго, вечно.

Сон

Вспугнул ресницы ранний утренний свет. Развевлось светлое сновидение. Редко вижу во сне вместе маму и папу. Молодых. Веселых. Задержав ненадолго сладкую тянущую боль в груди, образы родных любимых людей трепетно отпускаю...

Всё повторяется

Необъятен Петрозаводск – город, наполненный детскими приключениями, обжитыми домами, многочисленной родней и друзьями, и даже пожарными происшествиями, на которых мне доводилось бывать по долгу службы... Район Ключевая стал ближе и роднее после перемещения моего рабочего места в Центр ГИМС на улице Сусанина. В обеденный перерыв люблю поплутать по тамашним улицам и переулкам...

Вот впереди показалась знакомая фигура с палочкой. Это дядя Валя, друг детства моего папы. Не виделась – с похорон родителей. Отошли в сторонку – до ближайшего двора. Сели на лавочку. Разговорились. И было о чем: жили мы какое-то время в одном доме, бывшем бараке, за бывшим кинотеатром «Сампо». В этом двухэтажном 40-квартирном доме прошли лучшие годы отца, Валентина и других послевоенных пацанят. Я к ним через тридцать лет присоседился... Дядя Валя выглядит молодцом, хотя и ногами хвораает. Сегодня он поделился своим непреходящим, весьма значимым для него впечатлением молодости, связанным с моим папой:

– Выхожу я как-то из квартиры в нашем бараке, оборачиваюсь... И тут меня будто к месту пригвоздило: по длинному коридору, освещённому лучами солнечного света, льющегося сквозь большие окна и одновременно отраженного от яично-янтарного свежеемытого пола, в брючной паре, белой рубашке и узком чёрном галстуке, с набриоли-

ненными волосами и модными косыми бакенбардами шёл невообразимо красивый Эдик! «Привет, Валюха». – «Здорово, здорово...» И полилась беседа давно не видевшихся друзей. Батя твой был на футбольных сборах и вернулся в новом для всех образе стройного спортивного юноши. Это было в конце 50-х годов...

История повторяется. В веках. В поколениях...

Вспомнилось, по случаю. Сын мой Ростик – на выпуске Державинского лица – такой же был важный, достойный. Темный бархатный пиджак. Артистическая бабочка. Фирменный «дедушкин» зачес – с челкой назад. В руке – первая тонкая книжца стихов, набранная в школьной типографии. В перспективе – целая, только-только начатая тетрадь жизненных планов и творческих свершений. Завершается второе десятилетие XXI века...

Путь не окончен

Под сенью высокой ветвистой чинары я присел отдохнуть... Но тень моя уже ползет по знойной и пыльной дороге.

Неуд по умножению

Калькулятор. Кнопки. Знаки. Умные цифры на сером экране. Незамысловатые примеры. Непроизвольные ошибки. Всё как в окружающей меня жизни. Мое восприятие сущего напоминает ежегодно повторяющуюся комбинацию строптивых западающих кнопок. В моем случае: на своенравном аппарате можно было плюсовать приобретенные умения и навыки, достойно вычитать пройденные годы; но умножать богатства, разделять людей – любящих, непохожих, рассчитывающих на меня и несовместимых между собой – не получалось, даже для собственной выгоды. Отсюда и оценки: жизненный опыт – отлично, знание таблицы умножения прибыли и власти – неуд.

Бог един

Многоконфессиональный белорусский город Гродно. Православный собор соседствует с лютеранской кирхой, от католического костела – переулки, дворы и пешеходные улочки ведут прихожан к старой синагоге... Осталось пристроить где-нибудь на свободной мощеной площади шаманский чум или жилище вепсского колдуна.

– Эта ниша еще не занята, – заметил, выслушав мои мысли вслух, армейский друг, коренной гродногоредец. – Стучись, да услышат...

И то верно. Отличия невелики: перекладина на кресте да обтянутый кожей тюленя бубен. Недавно однопатареец, православный христианин венчался с супругой-полячкой в католической церкви. И теперь при входе в соответствующий храм крестится слева направо или справа налево. Все во благо. Воистину Бог един – в любом его образе и подобии. И обрядовое сооружение – в данном случае – не догма.

Проводник

Почему я поэт? Наверное, у меня всего много – больше, чем у других – моря, неба, лесов, скал, городов и деревень, любви и надежды?

Нет, не в этом дело. Просто я могу передать это великолепное множество через глаза и сердца близких и подчас незнакомых мне людей, наполняя солнечным светом и свежим утренним воздухом картины и музыку поэтических строк.

Пуговицы

Старая сахарница, наполненная разнокалиберными пуговицами, попала мне на глаза. Из дома в дом, из квартиры в квартиру переезжает она за мной... В бабушкином деревянном доме она заменяла мне друзей по детсадовским играм. Часами я мог строить из толстых и легких кругляшек столбики и пирамиды, ощупывать деревянные, роговые, алюминиевые узорные неровности, создавать диковинную пуговичную мозаику... Удивить, развлечь, приобщить к миру фантазии меньшего брата, а затем и сынишку при помощи такого богатства было легко и забавно. И вовремя подстраховать – не дать проглотить пластмассовую пилюлю. Пуговицы – частички истории на-

шей семьи, а может, и всей страны. От бабушкиного ватного пальто. От папиной рубашки. От маминой нарядной кофты. От школьной формы брата. От моего лейтенантского кителя. Довоенные. Советские. Невесомые. Тяжелые. Необходимые. В одно мгновение подходящая пуговичка могла заменить недостающую деталь одежды или восстановить куда-то запропастившийся лаковый глаз мягкой игрушки.

Подержав на ладони россыпь гладких семейных сокровищ, ставлю сахарницу обратно в глубь буфетной полки... Зачем храню я массивную китайскую коллекцию, перебирая бесполезные ныне кругляшки? Храню с единой целью, чтобы ничего не забыть, не потерять благодарных свидетелей счастливых мгновений жизни, предупредить неожиданный вопрос внучки: «А где наши бабушкины пуговицы?»

Я – есмь!

Все люди одинаковы. Череп. Скелет... Уши... Холодно. Больно...

Тождественны – до первого восприятия своего собственного «Я»... Впервые я ощутил себя отдельно от остальных в ясельной группе. Я с удивлением разглядывал невкусного погрызенного резинового мишку, оказавшегося в моих руках, разбросанные вокруг кубики, ползающих и ноющих малышей. Все стало с ног на голову. Вернее, наоборот – уравнило мои рассыпанные мысли. Я – не одинаков! Я есмь – добрый, скрытный, отзывчивый, разный. И я не знаю, что с этим делать... Ведь я – это я.

Олег Эдуардович МОШНИКОВ –

заведующий филиалом

Национального музея Республики Карелия

«Музей Первого российского курорта «Марциальные воды»,

заслуженный работник культуры Республики Карелия.

